

«ВЕРБА ХЛЁС БЬЁТ ДО СЛЁЗ»

Центр лингвокультурных исследований Balcanica и Центр балто-славянских исследований Института славяноведения РАН 30 марта 2010 г. провели круглый стол «Цветница, Diela e lulivet, Dumînica florilor, Вахютсунрацоті... Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале». На заседаниях выступили 16 ученых из Института славяноведения, МГУ, РГГУ, ГМИИ им. Пушкина, Кунсткамеры (Петербург), Центра народной культуры (Вильнюс).

На заседаниях обсуждались важнейшие лингвокультурные проблемы: истоки терминологии праздника и его церковного и народного «гербария», соотношение церковной и внецерковной обрядности, развитие магических представлений об освященных в Вербное воскресенье растениях во многих славянских, балканских и балтийских традициях с учетом непосредственных контактов и типологических аспектов.

«Традиционная культура» публикует часть материалов круглого стола, представляющих славянские народные традиции, и некоторые другие статьи данной тематики.

Т. И. ПАРФИЛО
(Москва)

ОБРАЗ ВЕРБЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛЕГЕНДАХ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕМАТИКИ

Аннотация. Изучается фольклорная символика образа вербы в восточнославянских христианских легендах на темы Ветхого и Нового Завета. Выявлено более 30 сюжетов и сюжетных версий легенд. Символические смыслы фольклорного образа вербы раскрываются с опорой на Евангельскую традицию.

Ключевые слова: верба, ива, народный календарь, бытовое православие, Ева, Иисус Христос, Лазарь, Лазарева суббота, Вербное воскресенье, Страстная седмица, обряд, освящение.

В восточнославянских христианских легендах на темы Ветхого и Нового Завета содержится значительный корпус сюжетов, в которых представлен народнопоэтический образ вербы. Христианизация этого образа опиралась на древнюю традицию почитания

вербы в связи с космологическими представлениями о ней как о Мировом древе/Древе жизни. Ветви и почки распутившейся вербы издревле использовались в обрядовой практике славян. Устная «народная Библия» (легенды) наследует традицию почитания вербы, но представления о святости дерева формирует уже на основе его «библейской биографии». До сих пор интерпретация вербы в легендах в качестве библейского образа не являлась предметом специального изучения, в исследовательской литературе эта проблема затрагивалась лишь на общем фоне «народной Библии» [Белова 2007; Мороз 2002; Толстая 1998]. Задача настоящей статьи — рассмотреть основной состав сюжетов восточнославянских легенд с образом вербы. При этом опора на текст Священного Писания позволит выявить истоки христианской интерпретации данного образа. На примере русских, украинских и белорусских легенд мы попытаемся раскрыть общие и специфические особенности символических смыслов образа вербы, выявить имеющиеся сюжеты и сюжетные версии легенд, содержащих этот образ.

«Верб хлѣс бѣѣт до слѣз»

Используемые в работе источники имеют неравноценное научное качество. Их можно разделить на две группы. Первую составляют источники научного характера. К ним относятся публикации легенд, собранных в экспедициях конца XX — начала XXI вв. в соответствии с современными требованиями к полевым записям¹, а также неопубликованные записи легенд, выявленные в ходе работы над архивными материалами кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова (далее: АКФ МГУ) и электронными данными Полесского архива, хранящимися в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (далее: ПА). Вторую группу источников составляют очерки народно-религиозных воззрений и верований XIX — начала XX вв., вошедшие в труды Г. О. Булашева, А. А. Коринфского, Н. Ф. Сумцова, П. П. Чубинского². Приведенные в данных трудах тексты нельзя, без сомнения, оценивать строго научными мерками, так как они не имеют полной паспортизации, могут не содержать жанровой идентификации и зачастую даны в форме пересказа собирателя. Вместе с тем, указанные труды в некоторых случаях содержат уникальные свидетельства о фольклорных представлениях о растениях (в частности, о вербе). Конечно, эти представления изредка находят параллели в современных материалах, но по большей части они исторически утрачены и могут быть реконструированы именно из данного пласта источников. По этой причине вторая группа источников также входит в поле нашего зрения.

Поскольку в использованных в работе легендах номинация вербы оказывалась различной, следует оговорить возможные вариативные названия дерева или отдельных его частей. Как правило, среди них встречаются фонетические и словообразовательные варианты — *вярба* (Белоруссия), *вэрба* (Брестская, Ровенская области), *виёрба* (Гомельская область), *верболоз* (Среднее Поволжье); реже фиксируются также и «семантические» варианты — *рбзач-*

ки (Гомельская область). Что касается употребления фитонима *ива* (укр. *йива*), то оно является синонимичным словесному определению «верба»³.

Предпринятая в исследовании классификация сюжетов легенд с образом вербы опирается на хронологический подход. Произведения располагаются в соответствии с очередностью событий Священного Писания и разделяются на ветхо- и новозаветные.

Как показывает материал, в восточнославянских легендах **на ветхозаветные темы** народ обращался к образу вербы в связи со следующими событиями:

— создание первых людей — Адама и Евы;

— их грехопадение и изгнание из рая.

Обратимся к легендам о сотворении первой женщины в раю и на примере фольклорной версии о происхождении Евы из ивы раскроем сущность представлений о дереве. В русском и украинском фольклоре данная версия получает распространение в региональных вариантах. Согласно одному из них, записанному в Галиции, Ева была сотворена из ивовой ветки, которую Бог положил рядом с Адамом во время его сна: «Раз льиг Адам спати. Бог узвив галузку <ветку — *Т. П.*> йиви <верба> тай поклав коло него, а занім Адам проспав си, стала вже з тої галузки жинка, Йива <...>» [Шухевич 1908, 5]. Другой вариант, зафиксированный в Поволжье, дополняет эпизод сотворения женщины важными деталями. В легенде встречаются упоминания о том, что ива до своего превращения в Еву произрастала в райском саду и была окружена вниманием со стороны Адама: «<...> Господь же, видя его старания, превратил кудрявое деревце в прекрасную девушку. И стала та девушка по имени Ева — дерево-то было ивой — женой Адаму. От них пошёл весь род человеческий» [Легенды 1998, 427]⁴.

Как видно из приведенных примеров, на фоне превращения ивы (или ее ветки) в Еву просматривается ассоциативная параллель между женским и рас-

³ Вербой — по словарному определению — именуется множество видов ив [ЭС 1892, VI, 12].

⁴ Зап. в 1992 г. от В. М. Панковой, 1922 г. р., п. п. Варнавино Варнавинского р-на Нижегородской обл. Соб. Н. В. Царева.

¹ См.: [Бушкевич 2003; Легенды 1998; Народная Библия 2004].

² См.: [Булашев 1992; Коринфский 1905; Сумцов 1888; Чубинский 1872].

тительным плодоносным началом. В этой связи ива осмысливается как *избранное в раю* дерево, призванное по Божьему замыслу через перевоплощение дать жизнь и сообщить свою плодородящую силу Праматери человечества.

Безусловно интересным является сюжет об обратном превращении Евы в иву, осмысляемый в связи с грехопадением первых людей и последующим изгнанием их из райского сада. Содержание данного эпизода раскрывается в украинских легендах, представленных в следующих вариантах: «Изгнанная из рая Ева превращается в иву, прочное дерево, которое трудно сломать, “бо жива”» (т. е. долговечна) (Цит. по: [Белова 2007, 235]). Или в другом варианте: «Изгнанная из рая Ева превратилась в дерево — иву, а Адаму Бог сделал новую жену из его ребра» (Цит. по: [Народная Библия 2004, 230]). Можно увидеть, что здесь на фоне происходящей с Евой метаморфозы актуализируется значение этической оценки совершенного женщиной греха. Согласно народно-христианским критериям, обращение в ивовое дерево становится для Евы наказанием за нарушение Божьего запрета вкушать плоды с древа познания добра и зла. В этом отношении ива также становится причастной к поступку Евы и осмыляется в негативном плане.

Итак, рассмотрение образа вербы (ивы) в легендах ветхозаветной тематики позволяет говорить о его двузначной символике. С одной стороны, ива выступает как райское Древо жизни: именно из его ветви Бог создает праматерь Еву. При этом вербное Древо жизни мыслится таковым не само по себе, а исключительно в связи с его божественным происхождением: сам Бог насаживает вербу в раю. С другой стороны, ива несет в себе человеческий облик Евы, изгнанной Богом из рая за грехопадение, и тем самым закрепляет за собой в украинских легендах «статус» грешного дерева.

Теперь обратимся к легендам на **новозаветные темы**. В данных произведениях особенности народной интерпретации образа вербы раскрываются в связи со следующими евангельскими событиями:

— спасение Святого семейства во время бегства в Египет;

— воскрешение Лазаря;
— Вход Господень в Иерусалим;
— преследование Христа перед взятием под стражу;
— распятие Христа и Его крестная смерть.

Кроме того, в новозаветный цикл входит отдельная легенда, которая основывается не на Евангелии, а на Священном Предании:

— о сошествии Христа во ад.

Рассмотрим легенды, восходящие к евангельскому сюжету о спасении Святого семейства во время бегства в Египет. На примере фольклорной версии об укрытии маленького Иисуса Христа под вербой раскроем сущность представлений о дереве. Данная версия получает распространение в русских и украинских вариантах народной Библии. Согласно одному из них, зафиксированному в украинском Полесье, верба, растущая рядом с речкой, становится для Богомладенца прибежищем: «Сўса Христá положи́ли ў колы́ску да почепі́ли на ве́рбу, а верба́ росла́ в ре́чку, и она нагну́лась у ре́чку, и так Его схова́ли <...>» [Белова 1994, 47; Народная Библия 2004, № 680]⁵.

В другом варианте, записанном на Русском Севере, эпизод укрытия Марии с Иисусом служит объяснением того, почему ива становится плакучей: «[Мария пряталась с Иисусом в городах, деревнях] в кустах и в вересе пряталась, в розах, говорит, пряталась в кустах. И в ивы пряталась, потому что ивушка называют ива *плакучая* <курсив наш. — Т. П.>, што она переживала, а можа и плакала, што их найдут, да Его отберут, да убьют» [Мороз 2002, 41]⁶. Очевидно, что здесь ива выступает не только как защитница Богомладенца, но и как персонаж, глубоко сочувствующий Ему. В легенде мы встречаем указание на то, что наряду с ивой укрывает Христа от преследователей также и верес⁷.

⁵ Зап. в 1981 г. от М. К. Шмаюн, 1936 г. р., с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл. Соб. О. В. Белова.

⁶ Зап. в 1997 г. от В. У. Волочевской, 1932 г. р., с. Лядины Каргопольского р-на Архангельской обл. Соб. Н. В. Возякова, Н. Харикова.

⁷ Верес (вереск) в легендах отождествляется с можжевельником (хвойным кустарниковым растением семейства кипарисовых).

Для Русского Севера характерна версия легенды, согласно которой Мария с Иисусом находят укрытие исключительно под вересом/можжевельником. Так, например: «Можжевельник (“вѣрес” или “вересинка”) считается счастливым, “Христовым” деревом, потому что под ним спасалась от преследователей Богоматерь с Иисусом Христом — верес опутал их своими ветками, и погоня их миновала» [Левкиевская, Плотникова 2001, 294]⁸.

Итак, рассмотрение образа вербы (ивы) в связи с библейским сюжетом, изображающим один из наиболее драматичных эпизодов из детства Спасителя, позволяет включить это дерево в число благословенных растений. Сюда же устная традиция могла относить можжевельник, а также ель⁹: все они выступали в роли защитников маленького Христа во время Вифлеемского избиения младенцев.

Особый интерес представляет группа легенд, посвященных последнему периоду земной жизни Спасителя: от воскрешения Им Лазаря до крестной смерти на Голгофе и последующего сошествия во ад.

Рассмотрим легенду, в которой отображаются события Лазаревой субботы и дается фольклорное изложение сотворенного в этот день чуда — воскрешения Господом четверодневного Лазаря. Согласно легенде, воскрешенный Лазарь обходит лесные чащи и помогает вербе распуститься к празднику Входа Господня в Иерусалим, который в церковно-народном календаре отмечается на следующий день после Лазаревой субботы. Обратимся к тексту: «Воскрешѣнный Христом друг Господень Лазарь <...> считает первую свою обязанностью обходить в свой свят-день все лесные-древесные заросли и осматривать их: готовы ли ваий-вербы ко сретению входящего в “горний Ерусалим” Господа. Запоздает верба украситься к этому дню — так он, угодник Божий, только осенит её взглядом благодным — и вся она забе-

леет-закурчавится <...>» [Коринфский 1905, 74]¹⁰.

Как представляется, происходящая здесь с вербой метаморфоза (расцветание) символизирует пробуждение природы к жизни накануне Входа Господа в Иерусалим, чтобы в праздник встретить Бога цветением. При этом расцветание вербы происходит не само по себе, а при участии Лазаря. Очевидно, что Лазарево воскрешение, воплощающее идею победы над смертью, осмысливается в единстве с весенним пробуждением природы после зимы. Чудо появления почек на дереве («она забелеет») воспринимается как природный аналог чуда воскрешения Лазаря: верба здесь «Лазарь растительного мира»¹¹.

Показательно, что тема зацветания вербы проходит также через содержание русских легенд, которые не основываются на евангельском событии Лазаревой субботы, но прилагаются к этой календарной дате. Так, в следующей записи мотив распускания дерева, лопания почек обнаруживается благодаря этнографическому контексту: «Ищё мы за вадой хадили на Вѣрьбину. Вечирам, ночью хадили за вадой. Там вербушки-т как трищать, и ана вот так разлагаицца — ана распускаицца, распускаицца. И ваду тут чѣрпають...» [Слепцова 2001, 105]¹².

В рассмотренных легендах, вне зависимости от того, апеллирует их содержание к Евангелию или нет, красной нитью проходит изображение чудесной метаморфозы вербы накануне Входа Господа в Иерусалим. Представляется, что данный мотив получает развитие в легендах благодаря тому, что в традиционной духовной культуре славян вербе отводится роль «общепринятого знамения тех зелёных ваий, с которыми встречен был Спаситель при Входе в Иерусалим» [Афанасьев 1994, II, 390]. В этом смысле *преображение вербы* накануне праздника является символом богочтения в природе.

¹⁰ Зап. в Среднем Поволжье.

⁸ Зап. в 1994 г. в с. Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл.

⁹ См. версию о спасении Богомладенца под елью в следующем источнике [Народная Библия 2004, №№ 445, 644, 650, 733].

¹¹ Данное образное выражение употребляет А. В. Часовникова, которая отмечает символический параллелизм между библейским воскрешением Лазаря и первым цветением вербы [Часовникова 2003, 171].

¹² Зап. в с. Кулики Шацкого р-на Рязанской обл.

Связь образа вербы с евангельским контекстом праздника обуславливает появление обширного пласта легенд, в которых событие Входа Господня в Иерусалим наделяется этнокультурными символическими чертами (у восточнославянских народов именно верба является главным атрибутом встречи праздника). Среди вариантов этих легенд нами выделяются четыре версии с точки зрения интерпретации роли и места вербы в данном событии. Первая версия представлена текстами, согласно которым Христа, когда Он въезжал в Иерусалим, встречали вербой (в одной из легенд — вербой и пальмой): «... Исус Христос на Вэрбницу ёхаў на жеребяті в Іерусалім, вэрбой сустрачалі» [ПА 1984, V-9a]¹³.

Аналогичная трактовка легендарного сюжета получает повсеместное распространение у восточных славян. Разнообразие вариантов возникает за счет того, что в сюжет легенды привносятся разная конкретизация действий, связанных с вербой. Повествуется о том, что ветки вербы бросают на пути Спасителя, въезжающего в Иерусалим на осле (в ряде вариантов — идущего). Например: «Когда Христос ехал на ослике, Ему ветками вербы путь устилали» [Тульцева 2001, 108]¹⁴; «...встретили как Он входил в Иерусалим с пальмам, с вербам, вот устилали там, постилали всё Ему и встретили Его с вербам» [АКФ МГУ лето 2005 г., № 132]¹⁵.

Интересным с точки зрения возрастной характеристики людей, бросавших ветки вербы Спасителю, представляется содержание следующей легенды: «Господь поехал в Иерусалим, ему маленькие дети вербу бросали» [Черных 2006, 123]¹⁶. Однако единичность данного текста на фоне обширного корпуса легенд о Вербном воскресении позволяет высказать мысль о том, что детская

тема праздника не получает широкого освещения в народной Библии.

Характерным для белорусской традиции является наличие в легендах социальных мотивов: вербе отводится роль атрибута встречи Спасителя исключительно бедным населением. Обратимся к тексту: «Виёрбу [гром] не бье. Потому што на Виёрбну ниедэлю Исус Христос ёхал на ослé. Богатые слали сукном, а бедные — виёрбу секлі да и клали. За то виёрбу не бье — она святая» [Народная Библия 2004, № 447, 207]¹⁷. В данной легенде мотив «бедные устилают вербой путь Спасителю» служит также объяснением святости вербы, которая обуславливает появление у дерева апотропейных свойств.

Развитие темы «богатые — бедные» можно проследить и на примере легенды, в которой Спаситель отдает предпочтение почестям бедных. В этой легенде расцветшая верба получает народное название «рóżачка»: «када Сус Христос шоў, багатыя людзі слаілі пэрд Богам на дарозе каўры, кабы Он шоў па кавра́х. А бедныя людзі — у бедных людзей нэма каўро́у слаць, дак ані рóżачкі лóмьць да і кідальць на дарозе пэрд Им. Дах Бох не пашоў па каўра́х, па багатырскіх, а пашоў па ё́тых рóżачках, хде бедныя кідалі. Вот ё́та та верба́, што Ему кідалі» [Народная Библия 2004, № 657, 329]¹⁸. Здесь обнаруживается идея особого Божьего благоволения по отношению к бедным людям, столь характерная для христианской традиции. Об этом многократно свидетельствует Священное Писание (см. притчу о богаче и бедном Лазаре: Лк. 16: 19—31; евангельский эпизод о лепте бедной вдовы: Лк. 21: 1—4; Мк. 12: 41—44). Возможно, последний оказал влияние на появление в следующей легенде образа «бэдной жэ́ншыны»: «Дед казал: ко́лись ў́стрэ́чалі так Бо́га лю́дзі. Ка́торыя Е́го́ ўже ба́га́цтвам стрэ́чалі. А бэ́дная жэ́ншы́на ў́стрэ́тила рóзачка́й — вярбо́й. Так сорганізаваўся

¹³ Зап. в 1984 г. в с. Радчицк Столинского р-на Брестской обл. Соб. О. Норина.

¹⁴ Зап. в 1993 г. в с. Фатяновка Спасского р-на Рязанской обл. Соб. Л. А. Тульцева.

¹⁵ Зап. в 2005 г. от Н. А. Горбуновой 1932 г. р., д. Ильинское Аргуновского с./с. Никольского р-на Вологодской обл. Соб. Н. А. Скачкова, А. Н. Жукова.

¹⁶ Зап. в с. С. Шагирт Куединского р-на Пермской обл. Соб. А. В. Черных.

¹⁷ Зап. в 1983 г. от Т. В. Бучук, 1907 г. р., с. Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл. Соб. А. Л. Топорков, С. Н. Железнова.

¹⁸ Зап. в 1983 г. от Е. Ф. Белой, 1908 г. р., с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл. Соб. В. В. Плешакова.

праздник» [ПА 1983, V-9a]¹⁹. Здесь мотив «бедная женщина встречает Спасителя с вербой» объясняет происхождение христианского обычая освящения вербы к наступлению праздника. Данная интерпретация могла возникнуть в результате объединения в один сюжет двух евангельских эпизодов: Входа Господа в Иерусалим и лепты вдовицы.

Вторая версия сюжета дает изменение мотивации действий народа. Здесь бросание вербных веток уже связано не с приветствием Спасителя, а с необходимостью помочь Ему таким образом скрыться от преследователей в этот день. Обратимся к тексту: «Вербна неделя — так Егѡ [Иисуса Христа] задумали ўбить. Даехаў на высѡкую гору на васѣльчыку [т. е. на осле. — А. С.] ...на кѡнику такой...А кѡнику не мог заѣхать на гору... Так люди ломали вербу и кидали кѡнику пад нѡги. [Поэтому воскресенье зовется вербным]» [ПА 1983, V-9a]²⁰. Легенда имеет кантаминированный характер изложения событий: эпизод Входа Господа в Иерусалим совмещается здесь с эпизодом преследования Его иудеями перед взятием под стражу (относящимся к событиям Страстного Четверга). Возможно, что подобное соединение евангельских событий в одном тексте обуславливается их хронологической близостью в церковном календаре. При этом произошло изменение трактовки образа вербы: она выступает уже не как атрибут встречи Спасителя (что было в первой версии легенд), а как Его апотропей.

В третьей версии сюжета Спаситель при входе в Иерусалим Сам везет вербу. Например: «Вѣрбна нѣделя — то Хрыстѡс ѣхал на ослице и вѣрбу вѣз и нам наказал, што гѣто праздник» [ПА 1982, V-96]²¹. Очевидно, что отведенная здесь вербе роль атрибута Спасителя обусловила народные представления о святости этого дерева.

¹⁹ Зап. в 1983 г. в с. Золотуха Калининского р-на Гомельской обл. Соб. В. В. Плешакова.

²⁰ Зап. в 1983 г. в с. Дяковичи Житковичского р-на Гомельской обл. Соб. А. Б. Страхов.

²¹ Зап. в 1982 г. в с. Заболотье Брестского р-на Брестской обл. Соб. Е. Б. Владимиров.

Наконец, четвертая версия сюжета дает наиболее отдаленный от Евангелия пересказ, согласно которому вербой встречали не Христа, а «какого-то богослова»: «Ехал какой-то в Ерусалим на конѣ верхѡм, богослов, и ему ѣти вѣрбы бросали под ноги» [Левкиевская, Плотникова 2001, 282]²².

Итак, рассмотрение образа вербы в легендах о Входе Господа в Иерусалим позволяет говорить о трансформации народных представлений об этом дереве. От зримого символа восхваления и почитания Бога верба берет на себя роль защитницы по отношению к Иисусу Христу, становится Его сакральным атрибутом, а также, в одной из версий, утрачивает связь с Ним.

Трагические события, последовавшие за торжественной встречей Господа, находят отображение в легендах Страстного цикла. Однако влияние на формирование фольклорных сюжетов с образом вербы оказали не все дни Страстной недели: предметом интерпретации стали священные эпизоды Страстных четверга, пятницы и субботы.

Сцены преследования Христа перед взятием Его под стражу в Страстной (Великий) четверг становятся источником появления на Русском Севере легенд о спасении Иисуса под вербой во время бегства от стражи. Обратимся к примеру: «Говорили, осина дрожит листочек потому, он выдал Исуса Христа. На осине. А верба укрыла» [Народная Библия 2004, № 735, 360]²³. В данной легенде при помощи антитезы «осина — верба» дается изображение принципиально различного поведения двух растений: предательства осины (уподобляющего её Иуде) и заступничества вербы.

В легендах, развивающих тему спасения Христа, в сюжет, наряду с вербой, может включаться образ вереса/можжевельника. Так, в следующем примере данный сюжет раскрывается через этнографический контекст: «На Великой четверг там за вересом-то от пойдѣшь... А этот Христос там, Бог-та,

²² Зап. в 1994 г. в с. Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл.

²³ Зап. в 1997 г. в с. Нокола Каргопольского р-на Архангельской обл. Соб. А. А. Трофимов, А. Б. Мороз.

Исус-та, прятался под вересинку, под вербочку. Вот вербочки и ломают. Это дѹху придаѣт, чистоту в домѹ делает: ну, прѹклятую силу, всяку худюю отгоняет эта вересинка — вербочка или вересинка» [Бушкевич 2003, 7]²⁴. Здесь верба и верес оказываются в равной степени причастными ко спасению Христа, что, возможно, связано с отождествлением двух растительных образов в сознании информанта. Связь со Христом обуславливает общую апотропейную семантику вербы и вереса, которая также проецируется на сферу обрядового применения растений (ломание вереса/вербы и размещение их в доме в качестве оберега от злых сил).

Показательно, что на Русском Севере (Вологодская, Костромская, Архангельская области) получают более широкое распространение фольклорные версии, согласно которым Иисус находит укрытие исключительно под вересом. Проиллюстрируем это на примере, в котором, в противоположность предательству осины, дается изображение заступничества вереса: «...я слыхала, будто бы вот когда Христа-та, Иисуса-та Христа вот ладили ростянуть-то, но Ён под каку деревинку прибежит, прибежал под осину, осина задрожала, што не будет спасать, ну и сунулся под вересинку, дак вересинка считается, как святое дерево <...> Да. Святое дерево. Што Исуса Христа спасла, дак» [Ипполитова 2008, 205]²⁵.

На фоне выявленного нами корпуса легенд, посвященных событиям Страстного четверга, представляет интерес единичное произведение, записанное в Украинском Полесье. В нем содержится версия о появлении чудесного вербного моста во время бегства Спасителя. Обратимся к тексту: «Як жыды Суса Христа шука́ли, мосты́ рубили, Его ловили...<...> Ё́сякое дѣрво мосты́ли и были люди, зрубали з вѣрбы́, и Ё́н нашол вѣрбу́ — тѣпѣрь вѣрба́ ся́та́ (свята. — Т. П.). Вѣрбу́ отрубаны́й качѹ́к

(?) растѣ <...> [Зачем мостили мосты?]

Шоп нѣ зналы, куды вон по́йдѣ. На других мостах воны́ [жиды] пригото́вили, што хотѣли [очевидно, засаду — А. С.]» [Народная Библия 2004, № 736, 360]²⁶. В данном тексте верба сохраняет роль заступницы Спасителя, но осуществляет ее иным способом: она прорастает из срубленных веток и превращается в мост, при помощи которого спасается Иисус Христос. Этот сюжет по-своему выражает народные представления о святости вербы.

Итак, рассмотрение образа вербы на материале легенд, интерпретирующих события Страстного четверга, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, верба неизменно берет на себя роль защитницы Христа, как это было и в легендах о бегстве в Египет. Во-вторых, на функциональном уровне обнаруживается сближение вербы с вересом (можжевельником), что также прослеживалось в легендах о бегстве в Египет. В-третьих, участие вербы/вереса в спасении Христа во время ключевого момента Его жизни (взятия под стражу) подтверждает представление народа о благословенности этих растений. Можно говорить о сходстве эпизодов бегства Христа от стражи и бегства Марии и Иосифа с Богомладенцем в Египет.

Страдания Христа на Голгофе, Его крестная смерть в Страстную (Великую) пятницу оказываются в центре внимания легенд, которые дают две противоположные интерпретации образа вербы при распятии Бога. В одних случаях растение страдает Господу и даже увядает от горя после Его смерти, в других — служит орудием пыток во время казни Господа.

Обратимся к легендам, разрабатывающим мотив благословения вербы Иисусом Христом за ее сострадание к крестным мукам. Так, согласно одной из них: «<...> росла-де верба на горе Голгофе, поблизости от Креста Господня, предал Распятый Сын Божий в руки Отца дух Свой, и первее всех других древес увяло от горя великого это деревцо, <...> не будучи в силах

²⁴ Зап. в 2002 г. от Н. А. Блохиной, 1930 г. р., д. Демцыно Устюженского р-на Вологодской обл.

²⁵ Зап. в 2002 г. от А. И. Русановой, 1921 г. р., д. Горка Тихманьского с./с. Каргопольского р-на Архангельской обл. Соб. А. Б. Ипполитова, А. Л. Топорков.

²⁶ Зап. в 1978 г. от П. И. Яскевич, около 70 лет, с. Дроздынь Рокитновского р-на Ровенской обл. Соб. А. Б. Страхов.

перенести такого поругания греховного мира над Пришедшим, спасти его от гибели. “Так будь же ты вестником Моего воскресения из мертвых, зацветай раньше всего царства древесного, ещё и листвою не одеваешься!” — изрёк Воскресший Христос <...>. С той поры и принялась верба идти в рост, в корень да в цвет скорее всех своих зелёных соседей. И почет ей, вербе, на свете больше всех!» [Коринфский 1905, 78].

В другом варианте легенды повествование о помощи вербы распятому Спасителю предворяется краткой «биографией» дерева, в которой изначально ему дается презрительная характеристика: «Был-де верболоз в прежние годы только “сланцом ползучим”, <...> и рос один такой сланец у подножия Креста Господня на Голгофе. Когда был распят Сын Божий, увидала верба наготу Его и поползла вверх по Кресту, чтобы прикрыть её от глаз людских, и обвилась венками зелеными вокруг Тела Божественного Страдальца и даже опустила зеленокудрые ветви над святым челом Его, защищая от лучей солнечных. Вот тогда-то и раздались-де из Господних уст приведённые выше слова, определившие вербе её назначение. “И быть тому из века в век и до-веку, до скончания мира, до второго Христова пришествия, до того-ли Страшного Суда Божия. Прогремит-прозвучит труба архангела Михаила — архистратига небесного, опадет-осыплется с вербы последний цвет, тут и быть светопредставлению, по тому ли Господнему изволению”» [Коринфский 1905, 78].

Как видим, традиционную основу приведенных легенд составляют представления о чудесной близости вербы к месту искупительных страданий, и о том, что она видела крестные муки Спасителя. При сопоставлении вариантов обнаруживается то, каким образом вербное дерево разделяет вместе с Господом Его страдания. В первом примере — оно «*первое всех других деревьев увяло от горя великого <...> не будучи в силах перенести такого поругания греховного мира над Пришедшим спасти его от гибели*»²⁷. Здесь сочувствие дерева к страданиям Господа передается через

психологический параллелизм: Сын Божий умирает на кресте — верба увядает от горя.

Во втором примере — верба «*поползла вверх по Кресту, чтобы прикрыть её <наготу Сына Божьего — Т. П.> от глаз людских, и обвилась венками зелеными вокруг Тела Божественного Страдальца и даже опустила зеленокудрые ветви над святым челом Его, защищая от лучей солнечных*». Здесь сострадание вербы к распятому Спасителю передается посредством олицетворения дерева и подобранных для его ветвей изобразительных эпитетов («зелёные», «зеленокудрые»). В цветовой семантике они символизируют цвет жизни и тем самым выражают «стремление» вербы передать свою животильную силу умирающему Христу.

Согласно приведенным версиям легенды, именно сочувствие и сострадание вербы к крестным мукам позволяет воскресшему Христу предопределить дереву его назначение — быть первоцветом в природе, чтобы своим появлением возвещать людям о грядущем Воскресении. Ярче всего об этом свидетельствует вариант, который включает прямую речь Христа, Его Божественное благословение: «*Так будь же ты вестником Моего воскресения из мертвых, зацветай раньше всего царства древесного, ещё и листвою не одеваешься!*». Таким образом, можно говорить о трансформации оценочных характеристик образа вербы в русских легендах: это дерево из «сланца ползучего», произраставшего на Голгофе, становится благословенным, удостоивается весьма высокой оценки («*И почет ей, вербе, на свете больше всех!*»).

Перейдём к рассмотрению легенд, в которых разрабатывается мотив проклятия вербы/ивы за то, что она дает древесину на гвозди (иголки) для распятия Спасителя. По данным О. В. Беловой, специально занимавшейся вопросом изучения мотива «грешной ивы» во взаимосвязи с эпизодом мучений Христа, подобные сюжеты получили распространение на территории Буковины, Прикарпатья, Подолии [Белова 1983, 147]. Обратимся к текстам, записанным в Южной Руси: «Ива проклята Богом за то, что из неё делаются были гвозди, которыми сколачивали Крест для про-

104 ²⁷ Курсивом здесь и далее отмечены повторы фрагменты легенд.

пятия Спасителя. За то её точат черви» [Чубинский 1872, 76]²⁸; «Ива проклята Богом за то, что ивовые иголки забивали Спасителю под ногти. Господь сказал, что черви будут её точить от молодости до старости, от корня до верхушки» [Сумцов 1888, 152]²⁹.

Проклятой Богом верба могла считаться и у белорусов. Проиллюстрируем это на примере легенды, в которой мотив изготовления из вербы гвоздей для креста служит также объяснением того, почему верба стала бесплодной, трухлявой и с кривым стволом: «...з вярбы зрабілі цвікі <гвозди. — Т. П.> для крыжа <креста. — Т. П.>, на якім распялі Хрыста. За гэта вярба была пакарана бясплодзем, трухлявасцю і крывым стволам» [Ненадавец 2003, 109].

Показательно, что в украинских легендах тема возмездия за предательство распространяется и на Иуду. Об этом свидетельствует народная интерпретация сюжета о распятии Христа, согласно которой Иуда был распят вместе с Ним. «Схватили Йогó [Христа] и Юду и ещó одного. Власть царóва взяла. И прибили их на хрест. Ўсяки дэрэво ўбіли — ни одну не пошлó, а ййва чэрвіва Сýсу Христу́ тiло пробiла» [вар.: «кроў спúстыла»] [Белова 2000, 347; Народная Библия 2004, 361, № 737]³⁰. Здесь образы Иуды и ивы сближены (рядоположены), что связано с этической оценкой их предательского поведения по отношению к Иисусу Христу.

Как видно из приведенных выше примеров, именно соучастие вербы/ивы в казни Спасителя обуславливает происхождение негативных свойств дерева: червивости, бесплодия, кривого ствола и др. В данном случае их появление является следствием Божьего проклятия («Господь сказал, что черви будут её точить от молодости до старости, от корня до верхушки»).

Рассмотрение образа вербы (ивы) в легендах о распятии Христа позволяет говорить о его двусмысленной символике. С одной стороны, верба выступает как

олицетворенный образ, который глубоко сострадает Спасителю и получает за свое сострадание Божье благословение. Благодаря этому верба мыслится святым деревом. С другой стороны, верба/ива становится причастной к Христовым страданиям как орудие пыток и в этой связи становится символом мученичества³¹. К числу деревьев, имеющим отношение к казни Спасителя, устная традиция могла также относить грушу [Народная Библия 2004, 364], дуб [Там же 2004, № 772, 373], осину [Там же 2004, №№ 436, 741—749, 751, 752], ракиту [Там же 2004, 752], акацию [Там же 2004, № 746], шиповник [Там же 2004, № 365], боярышник [Афанасьев 1994, II, 434—435].

Следующее за крестной смертью событие Страстной (Великой) субботы — Сошествие Иисуса Христа во ад — вызвало появление легенды о нисхождении Христа в преисподнюю вместе с вербным крестом. По одному из ее вариантов, с вербным крестом в руках у Спасителя происходит чудесная метаморфоза («процветание»): «При входе Сына Божия во ад — Крест, бывший в руках Христа-Спаса, мгновенно закурчался белыми шапочками (“барашками”) — цветочками, а был этот Крест из вербы» [Коринфский 1905, 80]. Согласно другому варианту легенды, Христос, наряду с вербным крестом, спускается во ад с вербной или пальмовой ветвью: «Христос сошёл во ад с вербною (пальмовою) ветвью в одной руке и с крестом из вербовой же лозы в другой» [Коринфский 1905, 80].

В приведенных версиях вербе отводится роль сакральной атрибутики, являющейся очам грешников знаменем спасения. В этом отношении образ вербы становится символом победы над смертью и воплощает идею грядущего всеобщего воскресения (Пасху). При

²⁸ Зап. в Ушицком уезде Подольской губернии.

²⁹ Зап. в Галиции.

³⁰ Зап. в 1981 г. от М. К. Шмаюн, 1936 г. р., с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл. Соб. О. В. Белова.

³¹ Показательно, что в отдельных украинских легендах содержится указание на то, что в качестве орудия пыток выступала не просто верба, а конкретные ее разновидности: «До проклятих Богом дерев належить також верба (*Salix fragilis* L.; в деякіх місцевостях — лоза, *Salix Capraea* L.)» [Булашев 1992, 318]; «козяча верба (*Salix Capraea* L.) проклята Богом за те, що з неї робилися цвяхи для хреста, на якому розпили Спасителя» [Воропай 1991, 358].

этом вербное дерево мыслится таковым не само по себе, а благодаря отождествлению его с Иисусовым Крестом.

Итак, нами выявлены следующие сюжеты и сюжетные версии восточно-славянских легенд, содержащих образ вербы:

1. Легенды ветхозаветной тематики:
 - 1.1. Ева создана Богом из вербы (ивы).
 - 1.2. Ева превращена в иву после изгнания из рая.
2. Легенды новозаветной тематики:
 - 2.1. Верб (ива) служит укрытием для Богомладенца во время бегства Святого семейства в Египет.
 - 2.2. Воскрешенный Лазарь помогает вербе распуститься к празднику Входа Господня в Иерусалим.
 - 2.3. Присутствие вербы в событии Входа Господня в Иерусалим:
 - 2.3.1. Иисуса Христа встречают вербой: устилают Ему путь (варианты: маленькие дети, бедняки, бедная женщина).
 - 2.3.2. Вербу кидают под ноги ослу Иисуса Христа, чтобы помочь ему взобраться на гору и укрыть Спасителя от преследователей (контаминированный вариант).
 - 2.3.3. Вербу везет Сам Иисус Христос.
 - 2.3.4. Вербой встречают «какого-то богослова на коне».
 - 2.4. Верб (ива) помогает Иисусу Христу спастись от преследователей в Великий четверг:
 - 2.4.1. Вербное дерево прячет Христа от преследователей.
 - 2.4.2. Вербный мост спасает Христа от преследователей.
 - 2.5. Присутствие вербы при распятии Христа:
 - 2.5.1. Верб (ива) сострадает Христу во время Его крестных мук (варианты: увядает от горя; прикрывает Его своей листвой).
 - 2.5.2. Верб (ива) дает древесину на гвозди/иголки для распятия Христа.
 - 2.6. Сошествие Христа во ад с вербой в руках (варианты: с вербным крестом, иногда процветшим; с вербным крестом и вербной ветвью).

Попытаемся произвести их сопоставление с первоисточниками — Священным Писанием и Священным Преданием: во-первых, обозначить рас-

хождения между фольклорными текстами и первоисточниками; во-вторых, найти обоснования народным символическим смыслам образа вербы, связанным с его христианизацией. В отдельных случаях оказывается возможным также определить мотивацию формирования некоторых ритуальных практик: собирание вербы/вереса в Великий четверг, освящение в храме вербы к празднику Входа Господня в Иерусалим.

Ветхозаветные легенды о сотворении Евы, грехопадении и изгнании из рая разрабатываются в русле апокрифической традиции. Из Священного Писания известно, что Бог сотворил Еву из ребра Адама (Быт. 2: 21), тогда как произведения народной Библии дают трактовку появлению женщины из ивы. После совершенного первыми людьми грехопадения Бог, согласно Библии, изгоняет их обоих из рая (Быт. 3: 23—24), а в легендах ответственность возлагается исключительно на Еву, наказанием для которой становится превращение в иву. Возможно, фольклорные интерпретации явились следствием народной этимологии, сблизившей название дерева «ива» с созвучным именем «Ева».

Новозаветный цикл легенд складывается из сюжетно-тематических пластов, связанных с ключевыми моментами жизни Иисуса Христа: бегством в Египет, воскрешением Лазаря, Входом в Иерусалим, взятием под стражу, распятием и крестной смертью.

В разработке евангельской темы бегства Святого семейства в Египет народная Библия предлагает подробное описание этого события и тем самым демонстрирует расхождение с библейским повествованием. В нем бегство (Мф. 2: 14—15) изображено достаточно лаконично, так как основной акцент делается на предшествующих ему событиях (приказ Ирода об избииении вифлеемских младенцев, явление ангела во сне Иосифу). Легенды же детально останавливаются на самом бегстве и привносят в его описание дополнительные мотивы преследования Святого семейства и спасения его под вербой. С помощью этих мотивов дается обоснование «плакучести», которой народная культура наделяет иву (вербу) (*«ивушку называют ива плакучая, што она переживала, а можа и*

плакала, што их найдут, да Его отберут, да убьют»).

Аналогичные мотивы проходят через содержание легенд, дающих апокрифическую интерпретацию евангельскому эпизоду взятия Христа под стражу в Страстной (Великий) четверг. Согласно Евангелию, в этот день по приказу иудеев воины заключили Христа под стражу, при этом Он, предчувствуя свою участь, добровольно отдал себя во власть преследователей (Мф. 26, 47—56). Устная же традиция повествует о бегстве Христа от преследователей и о спасении Его под вербой. Данный сюжет приобретает локальную специфику: он выступает мотиватором великочетверговых обрядов, вошедших в обиход ритуальных практик на Русском Севере (ломание вереса/вербы и размещение их в доме в качестве оберега от злых сил). Специфичным для легенд Великого Четверга является единичное произведение, в котором говорится о появлении чудесного вербного моста во время бегства Спасителя. Этим обосновывается народное представление о святости дерева, соединенное с древним почитанием ее вегетативной силы.

В новозаветный цикл входят легенды о воскрешении Лазаря, которые трактуют не столько чудо, сотворенное Господом, сколько образ Лазаря, соотнесенный с вербой. Появление вымыслов о причастности Лазаря к собиранию вербы и также к ее распусканию накануне праздника призвано подчеркнуть символическое соответствие образа расцветшей вербы воскресшему Лазарю.

Центральное место в новозаветном цикле легенд занимают произведения о Входе Господнем в Иерусалим. Как повествуют евангелисты, народ во время этого события приветствовал Его царскими почестями: устилал дорогу ветвями деревьев (Мф. 21: 8; Мк. 11: 8) и одеждами (Лк. 19: 36). В Евангелии от Иоанна встречается указание на приветствие Господа с пальмовыми ветвями (ваиями) и говорится о нескольких ином их применении: с этими ветвями народ выходил навстречу Спасителю для Его прославления (Ин. 12: 12—13). Имеющиеся в народной Библии четыре версии этого сюжета свидетельствуют о различной степени воздействия

евангельского эпизода на их содержание: от наиболее приближенных к Евангелию пересказов, отличающихся только формальным замещением пальмовых ветвей вербными, до наиболее отдаленных текстов, утративших связь со Спасителем (четвертая версия). Замена в устной традиции пальмовых ветвей вербными позволяет говорить о том, что верба унаследовала от библейской пальмы такие символические смыслы, как богопризнание и богопочитание. Выявленные интерпретации возникли как объяснение христианского обычая освящения вербных ветвей к празднику.

При разработке евангельской тематики Страстей Христовых «народная Библия» предлагает амбивалентную трактовку образа вербы: дерево может как помогать Господу во время казни, так и мучить Его. В первом случае с помощью поэтического вымысла дается объяснение особому свойству вербы — первой распускаться весной. В другом же случае посредством вымысла обосновываются представления о вербе/иве как о «грешном» дереве, имеющем отношение к нечистой силе («*ййва чэрвіва*»). Очевидно, что образ вербы приобретает здесь демоническую окраску, что требует отдельного изучения.

Завершают новозаветный цикл легенд о Сошествии Христа во ад, источником которых является Священное Предание. Однако в нем не упоминается о том, что в руках Спасителя был процветший крест из вербы — это народный вымысел. Этот вымысел связан с христианской интерпретацией вегетативной силы вербы, которая в данном случае отождествляется с Крестом Господним как символом новой жизни.

Литература

Афанасьев 1994 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М., 1994. Т. 2.

Белова 2007 — Белова О. В. Библейские легенды в фольклоре славянских и финно-угорских народов // Славянский альманах 2006. М., 2007. С. 229—241.

Белова 2000 — Белова О. В. Иуда Искариот: от евангельского образа к демонологическому персонажу // Славянский и

- балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 344—360.
- Белова 1983 — *Белова О. В.* Мотив «грешной ивы» в одной локальной традиции // Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 147—148.
- Белова 1994 — *Белова О. В.* Народное православие Полесья // Живая старина. М., 1994. № 3. С. 46—47.
- Булашев 1993 — *Булашев Г. О.* Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Київ, 1993.
- Бушкевич 2003 — *Бушкевич С. П.* Великий Четверг на западе Вологодской области // Живая старина. М., 2003. № 1 (37). С. 7—8.
- Дмитренко, Иваннікова 1994 — *Дмитренко М., Иваннікова Л.* Українські символи. Київ, 1994.
- Ипполитова 2008 — *Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники XVII—XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники. М., 2008.
- Коринфский 1905 — *Коринфский А. А.* В мире сказаний. Очерки народных взглядов и поверий. СПб., 1905.
- Левкиевская, Плотникова 2001 — *Левкиевская Е. Е., Плотникова А. А.* Этнолингвистическое описание севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 259—299.
- Легенды 1998 — Легенды и предания Волги-реки: Сборник / сост. В. Н. Морохин. Нижний Новгород, 1998.
- Мороз 2002 — *Мороз А. Б.* О фольклорности нефольклорного (евангельские события в восприятии современного крестьянина) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. Вып. 2. С. 31—43.
- Ненадавец 2003 — *Ненадавец А. М.* Шанаванне дрэваў старажытнымі беларусамі // Міфалогія. Духоўныя вершы / А. М. Ненадавец, А. У. Марозаў, Л. М. Салавей, Т. А. Ивахненка. Навук. рэд. А. С. Фядосік. Мінск, 2003. (Сер.: Беларускі фальклор: Жанры, віды, паэтыка; Кн. 5.). С. 49—119.
- Народная Библия 2004 — «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой; отв. ред. В. Я. Петрухин. М., 2004. (Сер.: Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).
- Слепцова 2001 — *Слепцова И. С.* Вербное воскресенье // Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектический словарь / авт.-сост. Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязань, 2001.
- Сумцов 1888 — *Сумцов Н. Ф.* Очерки истории южно-русских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888.
- Толстая 1998 — *Толстая С. М.* О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции // От бытия к исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. Сб. ст. М., 1998. (Академ. сер.; Вып. 2). С. 21—33.
- Тульцева 2001 — *Тульцева Л. А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян // Рязанский этнографический вестник. 2001. № 30. С. 5—280.
- Усачёва 2000 — *Усачёва В. В.* Мифологические представления славян о происхождении растений // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 259—302.
- Часовникова 2003 — *Часовникова А. В.* Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров Крест. Адамова голова. Святая верба. М., 2003.
- Черных 2006 — *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX вв. Ч. 1. Весна, лето, осень. Пермь, 2006.
- Чубинский 1872 — *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Материалы, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 1. Вып. первый. [Верования и суеверия. Загадки и пословицы. Колдовство]. СПб., 1872.
- Швед 2000 — *Швед І. А.* Раслінныя сімвалы беларускага фальклору / Брэс. дзярж. ун-т ім. А. С. Пушкіна. Брэст, 2000.
- Шухевич 1908 — *Шухевич В.* Гуцульщина. Ч. 5. // Матеріали до українсько-руської етнології. Етнографічна комісія наукового товариства імені Шевченка. Т. 8. Львів, 1908.
- ЭС 1892 — Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 6. СПб., 1892.

Архивные материалы

АКФ МГУ — Архив кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова.

ПА — Полесский архив, хранящийся в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

Summary. In the article the folkloristic symbols of pussy-willow in eastern Slavic Christians legends in the context of the Gospel are studied. The author has researched more than 30 topics and versions of plots. Symbolic senses of the folkloristic image of pussy-willow are revealed through basing on the evangelistic tradition.

Key words: pussy-willow, willow tree, folks calendar, rural life Orthodoxy, Eva, Jesus Christ, Lazar, Lazar's Saturday, Pussy-willow Sunday, The Holy Week, ritual, sanctify.